

В. Ф. Одоевский

Петербургские письма

Письмо 1

ВЯЧЕСЛАВ К ВИКТОРУ

С.-Петерб. 18...

Наконец-то я в Петербурге, любезный друг Виктор! -- По примеру многих наших приятелей я бы мог тебе наполнить целое письмо выражениями грусти, тоски по родине, описать мой первый меланхолический взгляд на Московскую заставу, тысячу воспоминаний, пробудившихся *ex officio* {по обязанности (*лат.*). -- *Ред*} в груди моей и, словом, все то, что водится в таких случаях... но нет сил притворяться, и потому скажу тебе без околичностей, я рад душою, что вырвался из нашей мачехи, или, как ее называют, нашей матушки Москвы, я вздохнул свободнее, когда выехал за заставу и вспомнил, что оставляю за собою целый строй моих тетюшек и дядюшек, их именинные обеды, приторное радушие, бостон, гран-пасьянсы и бесконечные советы и увещания; что касается до друзей, то уверен, что они рады тому, чему я рад и люблю меня как вблизи, так и издалека. -- Матушка была очень печальна, и немудрено -- она в Москве родилась и после 12 года в первый раз оставляет ее, а с нею своих знакомых, свои привычки, которые в ее летах сделались для нее необходимостью. -- К тому те она едет в чужой дом -- а ты понимаешь, как это ей также тяжело. -- Мы оба молчали; она, как понял я из ее немногих слов, все думала, как-то она будет принята дядюшкой -- благодетелем нашего семейства, как-то я ему понравлюсь... -- Я же был за седьмым небом: наконец, общество почувствует прилив нового человека со свежими чувствами, со свежими мыслями, с твердым намерением и, может быть, со способностью действовать! -- Вот единственная мысль, которая представлялась мне в различных видах во все продолжение моей дороги и наяву и во сне, особенно во сне, ибо я, чтобы сократить время, решился спать во всю дорогу -- и ты не можешь себе представить, с каким восхищением я, заснувши на станции и проснувшись через несколько часов, узнавал, что еще на 100 или 150 верст я приблизился к Петербургу. -- Поэтому ты удивишься, что я не видал ни валдайских гор, ни Волхова, ни Новгорода, что, словом, дорога от Москвы к Петербургу для меня не существует -- сердись на меня как хочешь, -- а я так рад этому; может быть, новые виды, исторические воспоминания -- расшевелили бы во мне лукавого беса Поэзии, которому дай волю, так не уgomонишь; -- я же твердо решился оставить Литературу: я хочу служить -- и служить в полном смысле этого слова; дорогою на просторе я еще более убедился во всегдашней моей мысли, что служба у нас в России -- есть единственный способ быть полезным Отечеству. Толкуй мне что хочешь про почтенное высокое звание поэта, ученого, про его обширный круг действия -- все это справедливо, да не у нас. Что у нас Литература? -- Ведь охота же писать для тех, которые ничего не читают. Будь хоть семи пядей во лбу -- твоё сочинение не перейдет за круг твоих приятелей и тех еще надобно заставить тебя слушать или подарить им по экземпляру; у нас нет врожденного, произвольного стремления к просвещению. -- Скажи, кто у нас заводит школы? Правительство; кто заводит фабрики, машины? Кто дает ход открытиям? Правительство; кто поддерживает компании? Правительство и одно Правительство. -- Частным людям все эти вещи и в голову не приходят. Правительству нужны люди для его предприятий; отдаляться от него -- значит удаляться от того, чем двинется, живет, чем дышит вся Россия. Не говори мне о неудачах по службе, о неприятностях, с которыми, говорят, бывает соединена; я уверен, что все это преувеличено оскорбленным самолюбием людей, которые не убиваются в службе оттого, что служба с ними не уживается. Нет! тайное предчувствие говорит мне: я назади не останусь; что ни толкуй, а человек, который немножко учился, ставит на странице не более двух или трех галлицизмов, человек с чистым желанием служить и быть полезным, не гоняющийся ни за крестами, ни за чинами -- такой человек будет новостью, любопытным явлением и его, хоть для редкости, толкнут вперед, не заставляя нагибать спину. Сколько бы ни было злоупотреблений в службе, как и во всех делах человеческих, но работники везде нужны -- а я хочу работать. Вообрази себе, друг Виктор -- наслаждение на деле испытать благородство чувств своих, верность своего суждения, в глазах простолюдинов ни во что ценить то, что для них цель жизни, поверить энергию души в борьбе с препятствиями, встречающими всякого новичка в свете, внести в толпу маленьких людей с маленькими душонками, загаженными низким ласкательством и эгоизмом, душу чистую, чуждую интриг и происков между ремесленниками, считающими, какую плату